Е. С. Горскій.

СУВЕРЕНИТЕТЪ НАРОДА

И

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

Цѣна 15 коп.

„ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА".

№ 1.

ОДЕССА.

Типо-Литографія Штаба Одесск. Военнаго Округа.

1917.

— 3 —

Совершившаяся революція ставитъ насъ предъ лицомъ новыхъ политическихъ задачъ. Россіи нужно наново перестроить свою жизнь. Подвести подъ свой новый государственный строй фундаментъ права и свободы.

Кто же уполномоченъ на это, какое изъ нынѣ существующихъ учрежденій имѣетъ право на разработку новой конституціи. Гос. Дума и Совѣтъ продолжаютъ существовать. Почему же они или въ частности именно Дума, принимавшая столь видное участіе въ совершеніи переворота, не приняла на себя эту работу. Правильно ли поступила, отказавшись отъ нея? Конечно, вполнѣ правильно. Она не уполномочена на это ни нашей прошлой конституціей 1905 г., ни народомъ. Конституція 1905 г. устанавливала то положеніе, что пересмотръ и измѣненіе основныхъ (конституціонныхъ) законовъ можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по инціативѣ монарха. Монарха въ настоящее время нѣтъ; нѣтъ, стало быть и возможности его инціативы. Уничтожилась, такимъ образомъ, и самая возможность измѣненія конституціи въ порядкѣ, указанномъ нашими основными законами. Къ этому чисто формальному моменту присоединяется еще другой. Нынѣшняя Дума, избранная по закону 3-го іюня ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитаться выразительницей воли народа. Потому она не можетъ создавать новыхъ политическихъ формъ, которыя должны явить собой результатъ общей воли всероссійской націи.

Бывали въ исторіи случаи, когда обстоятельства не позволяли обращаться къ этой общей волѣ народа. Такъ обстояло дѣло во Франціи во время Великой Революціи. Тогда генеральные штаты объявили себя Національнымъ Собраніемъ и выработали конституцію. Но мы, благодареніе судьбѣ, находимся въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ. Мы имѣемъ возможность выждать спокойно до того времени, когда Учредительное Со-

браніе выработаетъ новую конституцію. Поэтому и нѣтъ никакой надобности, нарушая принципъ общей воли народа, оставлять созданіе конституціи органу, во-первыхъ, на это не уполномоченному; во-вторыхъ, непригодному для этого въ силу порядка своего образованія.

Суверенитетъ (Верховенство) русскаго народа, проявившійся въ дѣлѣ низверженія прежняго правительства, имѣетъ полную возможность обнаружить себя также и въ созданіи новаго строя.

Что же такое этотъ суверенитетъ, который мы упомянули. Можно ли попросту опредѣлить его, какъ властвованіе или власть? Нѣтъ, власти бываютъ различныя: мѣстныя, центральныя (министерства), высшія. Говорятъ о власти законодательной, сосредоточенной въ рукахъ законодательныхъ палатъ и президента (въ республикѣ) или монарха (въ монархіяхъ); о власти правительственной или исполнительной, высшимъ носителемъ которой является—въ монархіи монархъ, въ республикѣ —президентъ; о власти судебной. Всѣ онѣ могутъ быть высшими, но ни одна изъ нихъ не обладаетъ верховенствомъ—суверенитетомъ. Всѣ власти, которыя мы выше назвали, не сами себя опредѣляютъ и существуютъ не по своему собственному праву, а въ силу того, что имъ поручено выполненіе опредѣленныхъ функцій, опредѣленныхъ дѣйствій. Надъ ними всѣми царитъ суверенная власть, суверенитетъ.

Опредѣлить послѣдній можно такъ: суверенитетъ есть воля государства, которая обладаетъ самостоятельной властью повелѣвать независимо отъ всякой другой воли; воля, обладающая самостоятельной властью, т. е. такая воля, надъ которой нѣтъ и не можетъ быть уже никакой другой воли. Суверенитетъ есть такая верховная воля, которая сама себя опредѣляетъ, которая никѣмъ и ничѣмъ посторояннимъ не можетъ ограничиваться или направляться.

Кто же является носителемъ этого суверенитета? Народъ— отвѣчаетъ демократическая доктрина. Монархъ и представительное собраніе—говорятъ намъ государства германской группы. Какой же изъ этихъ отвѣтовъ представляется правильнымъ? Обратимся сначала ко второму. Монархъ и представительное собраніе являются носителями суверенитета. Разсмотримъ же второй изъ этихъ элементовъ, т. е. представительное собраніе. Оно не представляетъ собой чего то существующаго изначала. Само себя оно создать не въ состояніи. За нимъ и прежде него стоитъ тотъ организмъ, отъ котораго представительное

собраніе беретъ свое начало. Что же это за организмъ? Мы его знаемъ. Это такъ называемый избирательный корпусъ или, другими словами, та совокупность гражданъ, которая избираетъ и посылаетъ депутатовъ въ представительное собраніе. Последнее не можетъ составиться само собой. Самое существованіе его не можетъ имѣть мѣста, еслибы не было на лицо народа, волю которого представительное собраніе и осуществляетъ. Такимъ образомъ, становится совершенно ясно, что, перенося суверенитетъ на представительное собраніе, мы тѣмъ самымъ смѣшиваемъ два различныхъ понятія: народа и представительнаго собранія. При этомъ свойство перваго безосновательно переносимъ на второе. Суверенитетъ, какъ сказано выше, есть воля наивысшая и самоопредѣляющаяся, слѣдовательно, носителемъ ея не можетъ быть то учрежденіе, для образованія коего необходима наличность не его собственной, а какой то другой воли. Итакъ, одинъ изъ элементовъ суверенитета, выдвигаемыхъ германской группой, именно представительное собраніе, оказывается непригоднымъ для этой роли. Германское построеніе уже поколеблено. Но пойдемъ дальше. Второй носитель суверенитета, говоритъ эта группа, есть монархъ. Очевидно, онъ можетъ быть таковымъ лишь въ томъ случаѣ, если царствуетъ по собственному изначальному праву. Лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что надъ его волей нѣтъ и не можетъ быть никакой другой. Будь оно такъ, то всякій актъ монаршей власти долженъ бы почитаться проявленіемъ такой воли, выше которой никакой другой воли нѣтъ и быть не можетъ. Это могло бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, еслибы монархія устанавливала себя сама; еслибы та власть, которую осуществляетъ монархъ, никогда ни въ какое время не была на него возложена другой, не его собственной, а посторонней волей. Очевидно, это возможно лишь въ одномъ изъ слѣдующихъ двухъ случаевъ. Во первыхъ, въ случаѣ завоеванія; во вторыхъ тогда, когда мы станемъ на точку зрѣнія божественнаго происхожденія монархической власти. Но завоеваніе есть актъ силы, а не права. Поэтому и монархическая власть, установленная въ результатѣ завоеванія страны, есть проявленіе силы, а не права. Слѣдовательно построить суверенитетъ монарха на завоеваніи значитъ на мѣсто права подставить силу, т. е. смѣшать два совершенно разнородныхъ понятія. Ну, а какъ же обстоитъ дѣло съ божественнымъ происхожденіемъ? Пожалуй еще хуже чѣмъ съ завоеваніемъ. Конечно, сами монархи весьма охотно ссылаются на божественное про-

исхожденіе своихъ династій и своихъ правъ. Это чрезвычайно для нихъ удобно, ибо въ массахъ религіозно настроенныхъ укрѣпляетъ чувство слѣпого повиновенія. Но, къ сожалѣнію, для монарховъ и, къ счастью, для насъ существуетъ исторія и здравый смыслъ. Послѣдній ясно указываетъ намъ, что еще не было случая, когда бы какая-нибудь династія или какой-нибудь монархъ—основатель династіи свалился бы прямо съ неба въ какое-нибудь государство. Что же касается исторіи, то она раскасываетъ намъ происхожденіе всѣхъ династій. Мы знаемъ, что наибольшая часть изъ нихъ образовалась путемъ договора или молчаливаго соглашенія. Монархическая власть выросла изъ власти военачальника, полководца. Первоначальное право послѣдняго, сводившееся къ охранѣ границъ и безопасности населенія, постепенно развилось въ право также въ цѣляхъ той же безопасности и благополучія издавать общія правила—законы и управлять страной. Первоначальное право военноначальствованія вручалось народомъ. Слѣдовательно, отъ него и исходила та власть, которой облекались и облечены монархи. Здѣсь, какъ въ вопросѣ о представительномъ собраніи, логика приводитъ насъ къ одному и тому же началу—къ народу. Мы видимъ, что власть осуществляется ея носителями въ силу того, что она передана имъ народомъ. Еще болѣе ярко врученіе власти народомъ монарху выступаетъ тамъ, гдѣ имѣло мѣсто избраніе въ прямомъ смыслѣ этого слова. Такъ потомкомъ династіи, избранной народомъ, является нынѣшній англійскій король. Тоже самое слѣдуетъ отнести и къ нашей послѣдней династіи Романовыхъ. Когда со смертію Ѳеодора Іоанновича прекратилась династія Рюриковичей, то у насъ царствовали одинъ за другимъ монархи избираемые. Такимъ былъ Борисъ Годуновъ, затѣмъ Василій Шуйскій и, наконецъ первый изъ Романовыхъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ. Романовская династія царствовала въ силу акта избранія 1613 года, когда ей была делегирована (вручена) власть.

Итакъ, мы всегда и неизбѣжно приходимъ къ тому единственно правильному выводу, что первоначальнымъ источникомъ власти является народъ. Стало быть, онъ и является носителемъ суверенитета. Онъ и только. Больше никто. Дальше народа въ поискахъ носителя суверенитета идти не приходится. Нельзя найти никакого организма въ государствѣ, который стоялъ бы надъ народомъ и который покрывалъ бы его своей волей. Народъ есть первая стадія той верховной воли, которая именуется суверенитетомъ. Что же служитъ составной едини-

цей того организма, который именуется народомъ. Разложить народъ можно на его составные элементы, которыми являются отдѣльныя человѣческія личности, населяющія государство. Всякая такая отдѣльная человѣческая личность имѣетъ свою волю, проявляющуюся безпредѣльно и неограниченно поскольку человѣкъ живетъ не общественной, а уединенной жизнью. Но люди живутъ не каждый въ отдѣльности, а общей государственной жизнью, образуя всѣ вмѣстѣ именно то, что именуется народомъ. Послѣдній есть, такимъ образомъ, ничто иное, какъ совокупность гражданъ. Въ связи съ этой совмѣстной жизнью измѣняется и роль отдѣльной человѣческой воли. Происходитъ столкновеніе и сліяніе отдѣльныхъ человѣческихъ воль въ одну общую волю. Суверенитетъ теоретически есть воля всѣхъ гражданъ, практически же онъ является волей большинства. Это большинство, выражающее своей волей общую волю, является источникомъ всякаго авторитета. Общая воля народа и представляетъ собой суверенитетъ. Носителемъ послѣдняго, единственнымъ при этомъ носителемъ, является народъ. Отсюда ясно, что всѣ существующія въ странѣ власти— созданія воли народа, созданія его суверенитета. Въ силу этого всякая власть, установленная народомъ, въ томъ числѣ и власть монарха, можетъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока выполняетъ правильно свое назначеніе. Другими словами, всякая власть имѣетъ право существовать лишь до тѣхъ поръ, пока она правильно осуществляетъ народную волю. Съ того момента, какъ она становится неправильнымъ или искаженнымъ изображеніемъ народной воли, она теряетъ свой смыслъ и должна уничтожиться, пасть или быть преобразованной. Разъ за властью нѣтъ той общей воли, о которой мы выше говорили, то она теряетъ точку своей опоры, она виситъ въ воздухѣ, она не можетъ, слѣдовательно, существовать.

Власть переданная народомъ отнимается послѣднимъ въ тотъ моментъ, когда это найдено нужнымъ. Негодный органъ власти уничтожается, и народъ по своему свободному опредѣленію, въ силу своего суверенитета преобразуетъ власть и вручаетъ ее вновь организованнымъ учрежденіямъ.

Характерныхъ особенностей суверенитета четыре.

1) Суверенитетъ единъ. Не можетъ быть въ одномъ и томъ же государствѣ двухъ суверенитетовъ. Это невозможно по той простой причинѣ, что не можетъ въ одно и то же время въ одномъ и томъ же мѣстѣ существовать двухъ общихъ воль. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ на одну минуту обратное.

Предположимъ, что существуетъ одновременно два суверенитета. По какому-нибудь вопросу они высказываются въ смыслѣ другъ другу противоположномъ. Тогда эти два суверенитета, эти двѣ общихъ воли другъ друга уничтожатъ. Слѣдовательно, получится отсутствіе суверенитета. Но государство безъ суверенитета невозможно. Общая воля въ каждый данный моментъ можетъ высказаться лишь въ одномъ, а не въ двухъ смыслахъ. Слѣдовательно, суверенитетъ единъ.

II) Суверенитетъ—недѣлимъ. Это положеніе, какъ и первое, выдвинуто Великой Французской Революціей. Оно означаетъ, что никакая часть народа, занимающая часть государственной территоріи, не можетъ притязать на то, что ей принадлежитъ опредѣленная часть суверенитета. Суверенитетъ принадлежитъ всему народу въ его цѣломъ и не можетъ быть подобно какой-нибудь вещи механически дѣлиться на части. Есть лишь частная воля отдѣльныхъ лицъ, съ одной стороны, и образованная сложеніемъ ихъ общая воля, съ другой.

III) Суверенитетъ—неотчуждаемъ. Это значитъ, что та общая воля, которая являетъ собой суверенитетъ, не можетъ быть никому отдана. Передать можно лишь власть, которая является продуктомъ общей воли, но никакъ не самую волю. Въ частной жизни каждый отдѣльный человѣкъ тоже можетъ поручить кому-нибудь исполненіе своей воли. Но вынуть, такъ сказать, изъ себя свою волю и отдать ее кому-нибудь невозможно. Ибо воля заключена въ самой природѣ человѣка. То же самое мы имѣемъ и съ общей волей народа. Онъ можетъ передать кому нибудь исполненіе своей воли, т. е. то, что именуется властью. Но отчудить отъ себя волю, уступить ее кому-нибудь народъ не можетъ, потому что общая воля также неотъемлемо и естественно включена въ природу народа, какъ частная воля въ природу отдѣльнаго человѣка.

IV) Суверенитетъ—непогашаемъ. Отсюда слѣдуетъ, что какъ бы долго какая-нибудь династія ни властвовала въ странѣ тѣмъ не менѣе эта давность не въ состояніи перемѣстить суверенитетъ и перенести его съ народа на монарха. Это положеніе также было выдвинуто въ эпоху Великой Французской Революціи съ тѣмъ, чтобы подчеркнуть, что какъ долго ни царствовала французская династія Бурбоновъ, она все же не могла стать обладательницей суверенитета, принадлежащаго только народу.

Если же какая-нибудь династія утверждаетъ противное, если она притязаетъ на то, что суверенитетъ принадлежитъ лично

ей, то тѣмъ самымъ она позволяетъ себѣ узурпацію, т. е. стремится насильственно присвоить непринадлежащія ей права.

Какъ же слѣдуетъ поступить въ случаѣ такой узурпаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ быть, если власть, правящая не такъ, какъ угодно народу, отказывается сложить свои полномочія, а также отказывается подчиниться народной волѣ.

Если правительство или монархъ, надѣленный властью народомъ, правитъ страной вопреки народному желанію, если вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывается сложить съ себя власть, то тѣмъ самымъ онъ превращается въ узурпатора, въ человѣка насильственно присваивающаго то, что ему не принадлежитъ.

Вмѣсто носителя власти такой монархъ превращается въ представителя насилія. Въ виду этого народъ, противъ котораго это насиліе учиняется, имѣетъ право оказать сопротивленіе насилію. Таково священное и неотъемлемое право народа. Оборонительное сопротивленіе насилію въ данномъ случаѣ неумѣстно, слѣдовательно, должно имѣть мѣсто наступательное сопротивленіе, должно быть осуществлено право на государственный переворотъ. Это право издавна коренилось въ сознаніи народовъ, и значительное число революцій явилось результатомъ роста и желанія этого правового самосознанія. Уже въ тринадцатомъ вѣкѣ мы встрѣчаемся съ опредѣленнымъ выраженіемъ этого права на сопротивленіе насилію въ англійской Великой Хартіи Вольностей, легшей въ основу англійской конституціи, а также въ первооснове венгерской конституціи, въ Золотой Буллѣ Андрея II.

Цѣлый рядъ изслѣдователей, начиная съ средневѣковыхъ богослововъ, также устанавливалъ право на наступательное сопротивленіе насилію монархической власти, т. е. право на государственный переворотъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ это право было блестяще обосновано англійскимъ философомъ Локкомъ, такъ изложившимъ это ученіе: „Если", говоритъ Локкъ, „несправедливое поведеніе короля распространилось на очень большое число членовъ общества и захватило народъ въ цѣломъ или, если несправедливость и угнетеніе хотя и распространились на немногихъ лицъ, но въ отношеніи нѣкоторыхъ вещей, которыя имѣютъ величайшую важность, такъ что всѣ приходятъ къ тому внутреннему убѣжденію, что ихъ законъ, ихъ имущества, ихъ свободы, ихъ жизни находятся въ опасности, то я не рѣшился бы сказать, что эти лица не должны воспротивиться столь недозволенной силѣ, которой пользуются противъ нихъ. Когда правители стараются похи-

тить и разрушить то, что принадлежитъ народу или привести его въ рабское состоянiе произвольной властью, они становятся на военное положенiе съ народомъ, который съ этого момента освобождается отъ всякаго повиновенiя имъ. Слѣдовательно, всякiй разъ какъ власть нарушаетъ это основное правило общества, черезъ эту брешь, которую она дѣлаетъ въ своемъ довѣрiи, которое имѣли по отношенiю къ нему, она вполнѣ теряетъ власть, которую народъ вручилъ ей для цѣлей прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя она себѣ ставитъ. Власть тогда переходитъ къ народу, который имѣетъ право снова получить свою первоначальную свободу, позаботиться о своемъ собственномъ сохраненiи и о своей собственной безопасности».

Указанное выше исторически развивавшееся сознанiе и теорiя права на государственный переворотъ были уже во времена болѣе близкiя къ намъ запечатлѣны въ конституцiонныхъ актахъ. Такъ, одинъ изъ нынѣшнихъ штатовъ Сѣв. Америки, Виргинiя въ своемъ биллѣ о правахъ говоритъ: «Если правительство окажется неудовлетворительнымъ или противорѣчащимъ своимъ цѣлямъ, то большинство нацiи имѣетъ неоспоримое, неотчуждаемое и неприкосновенное право преобразовывать, измѣнять или устранять его соотвѣтственно тому, какъ это будетъ признано имъ наиболѣе согласнымъ съ благомъ государства».

То же самое въ формѣ болѣе краткой и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе рѣзкой гласитъ французская Декларацiя 1793 г.: «Когда правительство нарушаетъ право народа, возстанiе является для народа наиболѣе священнымъ изъ правъ и наиболѣе необходимой изъ обязанностей».

Наконецъ, этотъ принципъ заключенъ и въ современное положительное конституцiонное право. Мы встрѣчаемъ его въ конституцiяхъ отдѣльныхъ штатовъ Сѣверной Америки, изъ коихъ каждый, какъ извѣстно, представляетъ собой государство, а всѣ вмѣстѣ образуютъ союзное государство, именуемое Соединенными Штатами Сѣверной Америки. Для примѣра укажемъ статью конституцiи штата Пенсильванiи, гласящую: «Всякая власть неотдѣлима отъ народа, и всякое свободное правительство основано на его власти, учреждено въ видахъ охраненiя его мира, безопасности и благополучiя. Съ этой цѣлью народъ обладаетъ неотчуждаемымъ и неотъемлемымъ правомъ во всякое время измѣнять, преобразовывать и свергать свое правительство такимъ путемъ, который покажется ему подходящимъ».

Итакъ, мы видимъ, что государственный переворотъ, политическая революція, есть не только борьба физической силой, имѣетъ за собой не только соціальное оправданіе, но обладаетъ также извѣстнымъ юридическимъ, правовымъ основаніемъ. При томъ, конечно, условіи, если, какъ подчеркиваетъ упомянутый выше Виргинскій билль о правахъ, это право сознается большинствомъ націи, т. е. когда мы имѣемъ въ государственномъ пореворотѣ выраженіе общей воли, проявленіе суверенитета (верховенства) народа.

Сверженіе правительства или монарха уже измѣняетъ конституцію и вызываетъ необходимость въ созданіи новой конституціи, новыхъ основныхъ законовъ, т. е. такихъ законовъ, которые опредѣляютъ порядокъ государственнаго устройства и управленія, а также основныя права отдѣльнаго гражданина въ его отношеніяхъ къ тому цѣлому, которое именуется государствомъ.

Кто же создаетъ конституцію. Согласно воззрѣніямъ тѣхъ государствъ, которыя мы выше назвали германской группой, конституція является результатомъ договора между представительнымъ собраніемъ и монархомъ. Такой взглядъ противорѣчитъ выясненному нами понятію суверенитета народа. Такъ какъ верховенство можетъ принадлежать и всегда принадлежитъ только народу, то отсюда ясно, что конституція, опредѣляющая порядокъ политической жизни, является актомъ этой верховной воли народа. Она есть повелительный актъ націи.

Если это правильно въ отношеніи тѣхъ случаевъ, когда при выработкѣ конституціи монархъ сохраняетъ свой престолъ, то взглядъ на конституцію, какъ на актъ верховной воли народа, вдвойнѣ правиленъ, когда монархъ свергнутъ, и власть не только принадлежитъ, но и осуществляется народомъ лишившимъ ея монарха.

Кто же долженъ заняться разработкой конституціонныхъ законовъ?

Самъ народъ въ своемъ цѣломъ непосредственно разрабатывать конституцію, конечно, не можетъ. Нельзя вѣдь созвать въ одно мѣсто всѣ приблизительно восемьдесятъ пять милліоновъ человѣкъ, составляющихъ совершеннолѣтнее населеніе Россіи и предложить имъ совмѣстно заняться разработкой законовъ.

Стало быть, это дѣло должно быть поручено какому-нибудь собранію. Какому именно?

У насъ продолжаетъ сейчасъ существовать Государственная Дума. Можно бы спросить: почему бы ей и не заняться выработкой новой конституціи. Отвѣтъ весьма простой. Гос. Дума этимъ заниматься не можетъ потому, что она на это не уполномочена. Помимо того, что она избрана по закону 3-го іюня, не признающему принципа всеобщаго, равнаго и прямого голосованія, ея назначеніе вообще иное. Она уполномочена лишь на то, чтобы издавать обыкновенные законы, напримѣръ, гражданскіе или уголовные, но не на то, чтобы создавать новые основные законы, опредѣляющіе: самую форму правленія (монархическую или республиканскую) и порядокъ организаціи и дѣятельности властей законодательной, исполнительной и судебной.

Она имѣетъ право голосовать лишь законодательныя постановленія, касающіяся: гражданскаго и уголовнаго права, установленія тѣхъ или иныхъ налоговъ, созданія какихъ-нибудь новыхъ гражданскихъ или военныхъ должностей и т. п. Но создавать новыя конституціонные (основные) законы она не вправѣ. До сихъ поръ по нашей старой конституціи дѣло обстояло такъ. Новые конституціонные законы должны были голосоваться тѣми же Думой и Совѣтомъ, которымъ подлежатъ и обыкновенные законы, съ той, однако, разницей, что вопросъ объ измѣненіи стараго или созданіи новаго обыкновеннаго закона могъ возбуждаться либо Гос. Думой, либо Гос. Совѣтомъ, либо императоромъ. Что касается измѣненія стараго или созданія новаго основного закона, то такой вопросъ могъ быть возбужденъ только императоромъ. Нынѣ императорской власти болѣе не существуетъ. Поэтому юридически уничтожилась и самая возможность возбужденія нынѣшней Думой вопроса объ установленіи новой конституціи. Съ другой стороны, какъ уже упоминалось выше, нынѣшняя Дума, во-первыхъ, по системѣ своего избранія не можетъ отражать настроенія и политическаго направленія страны; во-вторыхъ, она уполномочена лишь на то, чтобы законодательствовать (издавать обыкновенные законы), но не на то, чтобы учредительствовать (издавать основные законы, конституцію страны). Другими словами, Дума есть лишь Законодательное Собраніе, а никакъ не Учредительное Собраніе.

Повсюду ли, во всѣхъ ли странахъ проводится такое различіе между этими двумя видами собраній?

Нѣтъ. Въ Англіи этого различія не существуетъ вовсе. Тамъ парламентъ всемогущъ. Ему не ставится никакихъ рѣ-

шительно границъ. Онъ имѣетъ право отмѣнять и измѣнять, а также устанавливать новые какіе ему угодно законы въ одномъ и томъ же обычно принятомъ порядкѣ. Въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ англійскій парламентъ измѣняетъ какой-либо законъ, касающійся купли-продажи или наслѣдственнаго права, онъ можетъ также измѣнить и самую англійскую конституцію въ той или иной части, либо даже въ ея цѣломъ. Еще не такъ давно въ обычномъ порядкѣ законодательствованія англійскій парламентъ измѣнилъ въ ограничительномъ смыслѣ права верхней палаты лордовъ (Верхней Палаты). Но онъ, по признанію всѣхъ англійскихъ юристовъ, можетъ сдѣлать гораздо больше. Онъ можетъ, напримѣръ, совсѣмъ уничтожить Верхнюю Палату или отмѣнить королевскую власть и превратить Англію въ республику.

Такое положеніе существуетъ только въ Англіи. Во всѣхъ остальныхъ странахъ отличаютъ основные законы отъ обыкновенныхъ. Но не вездѣ для изданія первыхъ требуется созывъ Учредительнаго Собранія. Въ большинствѣ случаевъ изданіе основныхъ законовъ производится тѣми же учрежденіями, которые издаютъ обыкновенные законы, но только для изданія первыхъ устанавливается болѣе сложная система. Напримѣръ, новый основной законъ долженъ быть проголосованъ законодательными собраніями дважды черезъ опредѣленный промежутокъ времени, или для изданія требуется, чтобы за него голосовало не абсолютное большинство депутатовъ (больше половины), а квалифицированное большинство (напримѣръ, двѣ трети или три четверти депутатовъ).

Примѣромъ третьей группы государствъ является Франція. Тамъ для пересмотра и измѣненія конституціи также не требуется созыва спеціальнаго Учредительнаго Собранія. Это предоставляется тѣмъ же законодательнымъ собраніямъ (палатѣ депутатовъ и сенату), которыя издаютъ обыкновенныя законы. Но только при этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ. Когда въ одной изъ двухъ палатъ (депутатовъ или сенаторовъ) большинствомъ голосовъ признано необходимымъ пересмотрѣть конституцію и когда послѣ возбужденія этого вопроса пересмотръ признанъ необходимымъ обѣими палатами, то онѣ соединяются вмѣстѣ и получаютъ названіе Національнаго Собранія. Вотъ это Національное Собраніе, состоящее изъ всѣхъ депутатовъ и сенаторовъ вмѣстѣ и разсматриваетъ частичный или полный пересмотръ конституціи. Постановленія объ измѣ-

неніи должны быть приняты абсолютнымъ большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ, изъ коихъ состоитъ Національное Собраніе. Но есть одинъ вопросъ, котораго все же Національное Собраніе касаться не вправѣ. Это вопросъ объ образѣ правленія. Французская конституція гласитъ, что республиканская форма правленія не можетъ быть предметомъ предложенія объ измѣненіи конституціи. Этимъ самымъ ставится предѣлъ власти Національнаго Собранія. Уничтожить республику и установить монархію оно не вправѣ. Это могло бы быть сдѣлано лишь волею народа. Но надо полагать и надѣяться, что этого никогда не будетъ. Французы послѣ ряда политическихъ бурь, пережитыхъ ихъ прекрасной, благородной и свободолюбивой страной за послѣднее время съ достаточной очевидностью убѣдились въ томъ превосходствѣ, какое представляетъ республика по сравненію съ монархіей въ смыслѣ обезпеченія свободы и безопасности гражданъ, а также въ смыслѣ гарантіи, что страной будутъ управлять согласно желанію народа, а не сообразно личному своеволію, каковая опасность всегда существуетъ при монархіи.

Мы отмѣтили, въ какомъ порядкѣ издаются основные законы въ странахъ, гдѣ проводится различіе между основными и обыкновенными законами. Теперь намъ остается изложить порядокъ, существующій въ тѣхъ странахъ, гдѣ, наряду съ различеніемъ основныхъ и обыкновенныхъ законовъ, проводится также опредѣленное строгое различіе между законодательными и учредительными собраніями. Это страны, ушедшія далеко впередъ въ смыслѣ демократичности своего политическаго строя. Во главѣ ихъ находится Америка. Тамъ стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что пересмотръ и измѣненіе конституціи могутъ быть дѣломъ лишь такихъ представительныхъ собраній, которымъ народъ спеціально поручаетъ эту работу. Мы уже говорили о томъ, что каждый изъ штатовъ, составляющихъ Соед. Штаты Сѣверной Америки представляетъ собой государство. Въ каждомъ изъ этихъ государствъ существуетъ своя особая конституція. Всѣ эти конституціи отдѣльныхъ штатовъ въ настоящее время признаютъ, что для пересмотра и измѣненія всей конституціи должно каждый разъ избираться особое учредительное собраніе (конвентъ). Такая точка зрѣнія основана на томъ, что измѣнять политическія формы государства можетъ лишь такое собраніе, которому эта дѣятельность спеціально довѣрена верховнымъ народомъ. Частичныя измѣненія могутъ производиться и обыкновеннымъ законодательнымъ собраніемъ.

Однако, рѣшеніе послѣдняго, какъ, впрочемъ, и рѣшеніе Учредительнаго Собранія не является окончательнымъ.

Дѣло въ томъ, что основной принципъ американскаго конституціоннаго права гласитъ: суверенный (верховный) народъ самъ устанавливаетъ свою конституцію. Такимъ образомъ, окончательное принятіе конституціи не можетъ быть предоставлено никакому представительному собранію, хотя бы и учредительному. Послѣднее можетъ выработать лишь проектъ новой конституціи. Послѣ того, какъ этотъ проектъ принятъ большинствомъ Учредительнаго Собранія онъ передается на непосредственное голосованіе самого народа. Всѣ совершеннолѣтніе граждане не черезъ представителей, а сами непосредственно подаютъ голосъ за принятіе новой конституціи или противъ принятія. Конституція считается принятой лишь въ томъ случаѣ, если большинство гражданъ голосовало за нее.

Кое кому это можетъ показаться излишнимъ, разъ конституція пересматривается спеціально для того избраннымъ Учредительнымъ Собраніемъ. Если послѣднее избрано по системѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, то оно вѣдь отражаетъ собой полностью волю народа. На первый взглядъ оно такъ. Въ дѣйствительности, нѣтъ. Какъ бы ни было совершенно избирательное право, никогда, однако, нельзя поручиться, что партійныя теченія и настроенія въ немъ распредѣляются въ такой же точно пропорціи какъ въ самомъ населеніи. Поэтому только передача проекта новой конституціи на непосредственное всенародное голосованіе можетъ полностью гарантировать, что принятое рѣшеніе есть дѣйствительно выраженіе мнѣнія большинства народа, выраженіе общей воли народа. Только въ этомъ случаѣ можно твердо вѣрить, что новая конституція освящена суверенитетомъ народа, превыше котораго нѣтъ никого и ничего въ государствѣ.

Изложенная американская точка зрѣнія вполнѣ отвѣчаетъ истинному пониманію суверенитета. Послѣдній не можетъ принадлежать и не принадлежитъ ни монарху, ни законодательному собранію, ни даже Учредительному Собранію. Въ настоящее время у насъ можно иногда услышать мнѣніе, будто вопросъ, напримѣръ, о формѣ правленія, т. е. объ установленіи монархіи или республики, всецѣло принадлежитъ Учредительному Собранію, ибо только послѣднее обладаетъ верховенствомъ. Это ложная точка зрѣнія. Учредительному Собранію народъ лишь поручаетъ выработать тотъ или иной проектъ, то или иное предложеніе. Но окончательное рѣшеніе вопроса

принадлежитъ народу. Потому что народъ и только народъ есть носитель суверенитета.

Народъ долженъ непосредственно утвердить конституцію вообще и форму правленія (монархію или республику) въ частности, ибо только въ этомъ случаѣ рѣшеніе можетъ быть и достаточно авторитетнымъ и вполнѣ истиннымъ.

Въ необходимости примѣненія у насъ этого порядка убѣждаютъ также примѣры исторіи. Такъ, нынѣшняя французская республика, вопросъ о которой не былъ переданъ на всенародное голосованіе, была принята національнымъ собраніемъ большинствомъ всего одного голоса. Представьте себѣ, что всего два депутата заболѣли бы или случайно не явились бы къ засѣданію въ тотъ день, когда рѣшался вопросъ о республикѣ. Тогда республика была бы провалена, такъ какъ большинство оказалось бы на сторонѣ монархіи. А между тѣмъ настроеніе народныхъ умовъ во Франціи въ то время и въ дальнѣйшемъ ясно показало приверженность французскаго народа къ республиканскому строю. Подумайте же, какой опасности подвергалась Франція. Страна, желавшая свободы и республики могла оказаться подъ игомъ угнетенія и монархіи. И это только потому, что политическій составъ національнаго собранія не соотвѣтствовалъ политическому настроенію французскаго народа.

Такъ какъ у насъ сейчасъ замѣчается тенденція истинной демократичности, то, надо надѣяться, что будущее наше Учредительное Собраніе признаетъ своей обязанностью передать свои рѣшенія на утвержденіе самого народа въ его непосредственномъ голосованіи. Тогда мы будемъ въ полной увѣренности, что новая наша конституція есть дѣйствительное выраженіе верховной воли народа. Тогда новая конституція получитъ такую авторитетность, предъ которой всякій гражданинъ Россіи обязанъ будетъ преклониться.

Новая конституція установитъ у насъ тѣ политическія свободы, тотъ свободный политическій строй, ради установленія котораго Россія, свергая старый режимъ гнета, лицемѣрія и насилія, пролила столько крови своихъ лучшихъ гражданъ.

Но какъ бы ни была совершенна новая конституція, она не можетъ быть пригодна на вѣчныя времена. Измѣняется съ теченіемъ времени жизнь вообще, политическая жизнь въ частности, а потому народятся позже и необходимости пересмотровъ конституціи. Поэтому Учредительному Собранію, которое выработаетъ наши новые основные законы, предстоитъ, по-

добно тому какъ мы это встрѣчаемъ въ другихъ странахъ, установить въ конституціи тотъ порядокъ, въ какомъ она должна пересматриваться и измѣняться, если въ томъ встрѣтится надобность. Стройный порядокъ пересмотра конституціи всегда служитъ и будетъ также служить у насъ гарантіей противъ дальнѣйшихъ потрясеній.

Въ виду той демократичности, къ которой нынѣ примкнула Россія слѣдуетъ полагать, что и порядокъ пересмотра и измѣненія конституціи также будетъ широко демократичнымъ. Для этого нужно установить порядокъ, признаваемый наиболѣе передовыми демократическими республиками нашего времени, Америкой и Швейцаріей. Такой порядокъ, при которомъ не только на народное непосредственное одобреніе передается всякое выработанное измѣненіе конституціи, но кромѣ того народу въ опредѣленной его части предоставляется право потребовать, чтобы было приступлено къ пересмотру конституціи.

Вотъ какой порядокъ установленъ въ Швейцаріи. Общій пересмотръ конституціи (т. е. пересмотръ всей конституціи) можетъ быть начатъ или по постановленію представительнаго собранія или по требованію пятидесяти тысячъ швейцарскихъ гражданъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вопросъ о томъ пересматривать конституцію или нѣтъ передается на разрѣшеніе самого народа. Если при всенародномъ голосованіи большинство выскажется за необходимость пересмотра, то таковой имѣетъ мѣсто. Но могутъ быть случаи, когда встрѣчается необходимость не въ общемъ, а лишь въ частичномъ пересмотрѣ конституціи, т. е. въ пересмотрѣ и измѣненіи лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статей конституціи. И здѣсь швейцарская конституція наряду съ инціативой представительнаго собранія допускаетъ также инціативу, исходящую отъ самого народа. Если пятьдесятъ тысячъ швейцарскихъ гражданъ этого потребуетъ, то законодательныя палаты приступаютъ къ пересмотру указанныхъ въ требованіи статей конституціи. Если палаты несогласны съ мнѣніемъ пятидесяти тысячъ, то вопросъ о томъ пересматривать или нѣтъ передается на всенародное голосованіе Если при этомъ большинство швейцарскаго народа выскажется за пересмотръ, то онъ и предпринимается палатами сообразно съ народнымъ рѣшеніемъ. Затѣмъ всякое уже проредактированное измѣненіе конституціи въ ея цѣломъ или въ части послѣ голосованія въ палатахъ опять таки передается на непосредственное народное

голосованіе. Измѣненная конституція или измѣненная часть конституціи входятъ въ силу тогда, когда она принята большинствомъ гражданъ.

Американо-швейцарскій порядокъ, при которомъ основные вопросы политической жизни разрѣшаются самимъ народомъ непосредственнымъ голосованіемъ, является идеальнымъ. Только при наличности такого истинно демократическаго порядка полностью обезпечивается правильное выраженіе народной воли.

Опасаться того, что Россія слишкомъ велика для того, чтобы въ ней возможно было примѣнить изложенный выше принципъ не приходится. Если вся Россія можетъ принимать участіе въ выборахъ въ Учредительное Собраніе, то почему же она не можетъ также вся голосовать вопросъ о томъ, какую установить у насъ форму правленія—монархическую или республиканскую. Наоборотъ, разъ демократическая республика, послѣ того, какъ она будетъ принята Учредительнымъ Собраніемъ, будетъ утверждена всенароднымъ голосованіемъ, то престижъ ея станетъ на такую недосягаемую вышину, что всякій обязанъ будетъ передъ ней преклониться. Авторитетъ республики будетъ тогда всемѣрнымъ и противъ нея смогутъ быть тогда лишь тѣ, кто является вообще противникомъ верховной воли народа.

Нечего также пускать въ ходъ избитыя возраженія, что народъ, молъ, теменъ, политически неразвитъ и не можетъ потому голосовать тѣ части конституціи, которыя будутъ заключать въ себѣ декларацію правъ человѣка и гражданина, опредѣленіе порядка устройства и дѣятельности государственныхъ властей.

Если конституція будетъ хорошо выработана, она будетъ принята народомъ. Если въ ней будутъ недостатки, то при всенародномъ голосованіи больше шансовъ на то, что ошибки будутъ замѣчены и исправлены.

Мы говоримъ сейчасъ о широкомъ демократизмѣ.

Такъ будемъ же послѣдовательны въ своихъ демократическихъ выводахъ. Примемъ принципы, при наличности которыхъ такъ свободно живется въ наиболѣе передовыхъ демократіяхъ современности.

Свою судьбу рѣшаетъ самъ народъ.

Трудъ Учредительнаго Собранія, одобренный самимъ народомъ—таковъ да будетъ фундаментъ нашей новой свободной политической жизни.

Съ требованіями просятъ обращаться по адресу:
Ланжероновская ул., № 8, редакція „Од. Листка"
къ В. М. Ткачеву.